

На правах рукописи

Ван Вэньцзя

**Семейная ссора как лингвокультурный феномен
в русской речевой практике**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург

2018

Работа выполнена на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Федерального государственного автономного образовательного учреждения «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Шалина Ирина Владимировна

Официальные оппоненты: **Ковшова Мария Львовна**
доктор филологических наук, ФГБУН
Институт языкознания РАН (г. Москва),
ведущий научный сотрудник отдела
теоретического и прикладного
языкознания

Кошкарлова Наталья Николаевна
доктор филологических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский
государственный университет
(национальный исследовательский
университет)» (г. Челябинск), профессор
кафедры международных отношений и
зарубежного регионоведения

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Магнитогорский
государственный технический
университет им. Г. И. Носова»

Защита диссертации состоится 08 июня 2018 г. в «13.00» час. на заседании диссертационного совета Д. 212.285.15 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, зал заседаний диссертационных советов, к. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?id=51&rid=277966>

Автореферат разослан “ ” 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук
доцент

Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено изучению семейной ссоры. Гуманитарное знание рассматривает семью как особую универсалию русской культуры, источник важнейших для народа ценностей как наиболее фундаментальных характеристик культуры, ментально значимых представлений, установок, стереотипов, запретов и предписаний. Семья представляет собой малую социальную группу, микроколлектив, характеризующийся отграниченностью от других коллективов, органическим единством и внутренними семейными связями. Члены семьи связаны, прежде всего, близкородственными отношениями – *родители-дети* (возможно, также отношениями *дальнего родства*). В течение всей своей жизни человек остается живым символом «семейственного духа» [Ильин 2012: 127]¹, который формируется под влиянием разнообразных сторон жизни, подвергающейся изменениям. Наше время характеризуется подрывом идеалов семейной жизни, серьезным кризисом семейных ценностей, приметы которого – сниженный образ «человека семейного», разрыв межпоколенных связей; создание новых семейно-брачных форм; семейные конфликты и др.

Объект исследования – семейная ссора как лингвокультурный феномен.

Степень разработанности проблемы. Проблемы описания семейного речевого быта, в том числе и коммуникативно-речевого неблагополучия семьи, находятся в зоне повышенного внимания современной русистики. Речевая конфликтология – перспективная область изучения «речевой стороны многообразных ситуаций нашей жизни, так или иначе содержащих элемент конфликтности – скрытой или явной, потенциальной или реализованной» [Дымарский 2008: 3]². Предметом изучения лингвистов становились социолингвистические, лингвокогнитивные, коммуникативно-прагматические, риторические, жанроведческие, гендерные и др. аспекты конфликтов (В. Ю. Апресян, В. С. Анохина, А. Ю. Байкулова, И. Н. Борисова, Я. А. Волкова, Т. А. Воронцова, В. В. Дементьев, В. И. Жельвис, С. Г. Ильенко, О. С. Иссерс, С. А. Кидямкина, Н. Н. Кошкарова, Н. А. Купина, А. В. Ланских, О. А. Михайлова, К. В. Нилова, Т. Г. Рабенко, К. Ф. Седов, И. А. Стернин, В. С. Третьякова, О. Ю. Усачева, М. Ю. Федосюк, И. В. Шалина, Е. Ю. Шейгал, Л. А. Шкатова, Ю. В. Щербинина и др.). Вместе с тем еще не получили достаточной разработки проблемы описания видов семейных конфликтов, выявления речеповеденческой специфики носителей той или иной лингвокультуры в ситуации ссоры, лингвоаксиологические аспекты деструктивной семейной коммуникации. Нет работ, в которых предпринята попытка комплексного, многоаспектного анализа семейной ссоры – этим определяется **актуальность** нашего исследования.

Цель работы – лингвокогнитивное и коммуникативно-прагматическое описание семейной ссоры – определила необходимость поэтапного решения следующих исследовательских задач:

- 1) опираясь на идеи когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, охарактеризовать специфику фреймового подхода к анализу коммуникативного события «семейная ссора»;
- 2) представить фреймовую структуру (терминалы – слоты) события;
- 3) на материале русских паремий осуществить содержательное наполнение слотов, выявив специфику супружеской ссоры, ссоры родителей и детей, ссоры некровных родственников;

¹ Ильин И. А. Путь духовного обновления / И. А. Ильин. – Директ-Медиа, 2012. – 290 с

² Дымарский М. Я. Предисловие / М. Я. Дымарский // Речевая конфликтология: учебное пособие / отв. ред. М. Я. Дымарский. – Санкт-Петербург : РГУПУ им. А. И. Герцена, 2008. – С. 3–5.

- 4) опираясь на идеи коммуникативной прагматики, охарактеризовать специфику речедетельностного подхода к анализу коммуникативного события «семейная ссора»;
- 5) отобрать необходимый для анализа текстовой материал;
- 6) проанализировать семейную ссору в динамическом аспекте;
- 7) выявить тактико-стратегические линии коммуникативного поведения участников семейной ссоры, а также типичные сценарии семейной ссоры;
- 8) охарактеризовать семейную ссору в лингвоаксиологическом аспекте.

Указанные цели определяют этапы исследования и обуславливают специфику его предмета. На I-м этапе **предметом исследования** становятся структура и содержательное наполнение событийного фрейма «семейная ссора», на II-м этапе – тактико-стратегическое содержание речевых партий участников ссоры, координирующих свои речевые действия в определенном пространстве и времени и вербализующих ценностное отношение к ссоре.

На I-м этапе исследования **материалом** для анализа послужили пословицы и поговорки, извлеченные из различных словарей и сборников русских народных пословиц и поговорок, прямо или опосредованно связанные с ситуацией семейной ссоры (более 800 единиц). В числе словарей и сборников «Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т.» под ред. В. И. Даля (1998 г.); «Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор» под ред. В. П. Аникина (1957 г.); «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь» под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова (1979 г.); «Словарь русских пословиц и поговорок» под ред. В. П. Жукова (2000 г.); «Большой словарь русских поговорок» под ред. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной (2007 г.) и др. Функции семьи, статусно-ролевые права и обязанности ее членов, этические основы семейной коммуникации формировались веками, выкристаллизовывались в повседневной жизни, национальных обрядах и ритуалах. Соблюдение семейных норм и отклонение от них, реализация и нарушение ролевых ожиданий находят воплощение в паремиях, служащих источником культурно значимой интерпретации семейной жизни, такой, какая она есть.

На II-м этапе исследования мы обратились к **современному речевому материалу** – текстам-разговорам горожан-уральцев, записанным методом включенного наблюдения (20 диалогов), опубликованным и неопубликованным. Осознавая, что семейный конфликт – это преимущественно закрытая от посторонних глаз коммуникация, мы использовали также драматургические диалоги, представляющие собой художественную типизацию разговорной речи (Б. А. Ларин). Всего проанализировано 50 репродуцированных текстовых фрагментов, извлеченных из пьес современных драматургов: Я. Пулинович «Земля Эльзы» (2015 г.); И. Синило «Дима любит таблеточки» (2016 г.); Ю. Тупикиной «Ба» (2016 г.); А. Яблонской «Свидетель»; Л. Ансельм «Мать и дочь» (2010 г.); И. Васьковской «Уроки сердца» (2011 г.), «Март» (2013 г.), «Русская смерть» (2013 г.); А. Богачевой «Китайская бабушка» (2002 г.) и др. Указанные пьесы объединяются на содержательно-тематическом основании – конфликтная семейная коммуникация.

Выбор временного среза и разнородного, на первый взгляд, материала не случаен. Мы учитывали идею о том, что семья выстраивает свою деятельность «в соответствии с ожиданиями и референциями / временными проекциями из прошлого в настоящее, из настоящего в прошлое и будущее» [Олянич 2004: 157]³.

³ Олянич А. В. Презентационная теория дискурса : дис. ... д-ра филол. наук /А. В. Олянич ; Волгогр. гос. пед. ун-т.– Волгоград, 2004. – 602 с.

В работе использовалась группа **методов и приемов** лингвокогнитивного и речедеятельностного анализа, приемы лингвокультурологической, стилистической интерпретации речевого материала, а также описательный, классификационный, статистический методы.

Научная новизна работы заключается в выработке комплексного подхода к объекту исследования: лингвокогнитивный и речедеятельностный подходы позволяют рассмотреть семейную ссору как коммуникативное событие, имеющее целостное содержание и типовое речедеятельностное развитие. Фиксированный набор определяющих ссору смысловых компонентов (терминалов и слотов) детализированно описывается на материале русских пословиц и получает динамическую развертку на материале живого и репродуцированного драматургами конфликтного диалогического взаимодействия современных носителей национальной лингвокультуры.

Теоретическая значимость полученных результатов обусловлена многоаспектным подходом к описанию феномена семейной ссоры. Полученные результаты вносят вклад в проблемное научное поле речевой конфликтологии и лингвокультурологии. Наблюдения и выводы позволяют углубить существующие представления о специфике видов семейной ссоры, речеповеденческих сценариев ссоры и их преемственности по отношению к традиционной культуре.

Практическая значимость исследования связана с возможностью использования его результатов в речевой конфликтологии, лингвокультурологии, фамилистике (науке о семье). Результаты исследования могут применяться в преподавании курсов и спецкурсов по коммуникативной прагматике, коллоквиалистике, межкультурной коммуникации, паремиологии, коммуникативных практикумах по бесконфликтному речевому общению. Результаты также могут быть использованы на практических занятиях по русскому языку как иностранному.

Степень достоверности результатов определяется репрезентативностью проанализированного речевого материала, использованной методикой анализа, адекватной целям и рассматриваемому объекту, эвристичностью разработанной модели анализа; обеспечивается привлечением большого количества научных источников различного характера (среди них – классические и современные работы по лингвистике, стилистике русского языка, научные исследования по проблемам лингвокультурологии, лингвоаксиологии, коммуникативной прагматики и речевой конфликтологии).

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в докладах на конференции Всероссийской научно-практической конференции с международным участием в Екатеринбурге (2016), на международной конференции «Ломоносов-2017» Московского государственного университета (2017), в тезисах на научных семинарах с международным участием «Национальные ценности в языке и коммуникации» в Екатеринбурге (2015), «Аксиологические аспекты современных лингвистических исследований» в Екатеринбурге (2016, 2017). По теме исследования опубликовано 10 работ, из них 3 – в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Результаты исследования отражены в десяти публикациях автора.

Наиболее существенные результаты исследования сформулированы в следующих **положениях**, выносимых на защиту:

1. Рассмотрение семейной ссоры как коммуникативного события позволяет выделить статический и динамический способы его репрезентации. Первый – фреймовый – обеспечивает выявление устойчивых структурированных данных о коммуникативном событии «семейная ссора», имеющих национально-культурную значимость. Второй – речедеятельностный – дает возможность провести сценарное

воплощение событийного фрейма, описать динамику семейной ссоры, охарактеризовать коммуникативное поведение ее участников.

2. Структура событийного фрейма «семейная ссора» включает терминалы: *Участники; Место; Время и протяженность; Речевые и (неречевые) агрессивные действия и противодействие; Результат; Оценка*. Содержательное наполнение слотов по данным паремий наиболее ярко специфицирует ссоры по участникам (*супружеская ссора, ссора между кровными и некровными родственниками, ссора между родителями и детьми*), локусу (*дом – вне дома*), репертуару речевых и неречевых агрессивных действий (*ссорятся спорят, бранятся, угрожают, упрекают, попрекают, осуждают, занимаются рукоприкладством* и др). Отдельные речевые (и неречевые) агрессивные действия коммуникантов получают гендерную специфику.
3. Семейная ссора в паремиях оценивается отрицательно (*В ссорах да во вздорах пути не бывает*), положительно (*Всякая ссора красна мировую*) и нейтрально (*Дом без еды бывает, дом без ссор – никогда*), что отражает диалектику и сложность семейного бытия. С одной стороны, ссора расшатывает его основы, способствует дезинтеграции членов семейного круга, с другой – обновляет родственные отношения. На фоне ссоры актуализируются ценностные смыслы коммуникативного лада, гармонии, любви, послушания.
4. Семейные ссоры объективируют традиционные представления, установки, нормы речевого поведения, например: *Муж должен воспитывать и наставлять жену (в том числе и кулаком); Жена должна подчиняться и угождать мужу; Жена / невестка всегда виновата; Свекровь / теща всегда права; Дети должны слушаться родителей; При чужих людях не надо ссориться; Поссорившимся следует искать способы примирения* и др. Отдельные ценностные установки в качестве рекомендаций (например, установка на *миролюбие, терпение*) помогают избежать ссор.
5. Терминалы событийного фрейма *Место, Время, Участники*, рассматриваемые в динамической проекции на живое / репродуцированное диалогическое взаимодействие, актуализируют предконфликтный и собственно конфликтный этапы семейной ссоры. Речедетельностный анализ позволяет выявить характерный для каждого этапа перечень речевых стратегий и тактик, а также коммуникативный результат – гармонический или дисгармонический, воплощаемый в речеповеденческих сценариях «Эскалация конфликта», «Разрыв отношений», «Поиск компромисса», «Примирение» и др.
6. Содержательное наполнение терминала *Время* позволяет описать феномен застарелой ссоры. В его основе лежит не доведенное до естественного гармонического разрешения противостояние членов «семейного круга». В отличие от бытовой кратковременной ссоры, застарелая ссора имеет глубокие ментально-ценностные основания. «Глеющие» и «разгорающиеся» очаги коммуникативного напряжения препятствуют полному примирению речевых партнеров, приводят к коммуникативному отчуждению, временному или полному разрыву их отношений.
7. Представления о семейной ссоре, концентрированно и сжато зафиксированные в паремиях как статичных когнитивных структурах, наиболее полно воплощаются в разговорном диалогическом взаимодействии и позволяют сформировать более целостный взгляд на ссору, углубить представления о механизмах и закономерностях, создающих вражду и мир, лад и разлад. Комплексный анализ разнородного речевого материала подтверждает культурную устойчивость и преэманентность типов речевого поведения в ситуации семейной ссоры. Вместе с тем сценарий ссоры родителей и детей демонстрирует межпоколенные разрывы,

обусловленные действиям коммуникативно-ценностных установок индивидуалистической культуры.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка, включающего 402 позиции. Общий объем диссертации составляет 234 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования и степень его разработанности; определяются объект, предмет, цели, задачи; описываются материал и методы исследования; характеризуется теоретико-методологическая основа работы; обозначаются степень достоверности результатов, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы; формулируются положения, выносимые на защиту; демонстрируется апробация результатов исследования.

Глава 1. «Фрейм коммуникативного события «семейная ссора»» состоит из пяти параграфов. В **параграфе 1.1. «Понятие *фрейм* в когнитивной лингвистике»** дается общий обзор работ отечественных и зарубежных когнитивистов, посвященных разработке понятия «фрейм» (труды А. Н. Баранова, Г. Бейтсона, Н. Н. Болдырева, Т. А. ван Дейка, И. Гофмана, В. З. Демьянкова, Е. С. Кубряковой, М. Минского, М. В. Никитина, Ч. Филлмора и др.). В качестве рабочего используется понимание фрейма как устойчивой и относительно статичной структуры данных для представления стереотипной ситуации (М. Минский). Внутренняя организация фрейма обуславливает выделение терминалов (вершинных узлов) как инвариантных параметров ситуации и слотов как вариативной реализации терминалов.

Лингвокультурологический подход к фрейму позволяет сосредоточиться на выявлении элементов, имеющих культурную значимость, охарактеризовать то, что в данной культуре является характерным и типичным, а что – нет. Фреймы открывают возможности для успешной коммуникации, поскольку позволяют носителям национальной культуры ориентироваться в той или иной ситуации и, следовательно, прогнозировать и регулировать свое и чужое коммуникативное поведение.

Как опосредованная структура, сопрягающая область когнитивного и языкового в процессе речевой деятельности, фрейм формирует обобщенное знание о типах ситуаций и социально-культурных контекстах.

Параграф 1.2. «Фрейм в его соотношении с другими когнитивными структурами» посвящен выявлению соотношения понятий «фрейм» и «концепт» / «сценарий» / «фрейм-сценарий» / «модель ситуации».

Обобщение научных наблюдений показывает, что концепт и фрейм могут соотноситься как родовое и видовое понятия соответственно или отождествляться (А. П. Бабушкин, В. И. Карасик, М. Л. Макаров, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.). Они различаются по способу хранения знаний и по способу их организации. Фрейм имеет более жесткую структуру, фиксирующую коллективные знания, концепт более подвижен, континуален, характеризуется субъективностью. Фрейм может рассматриваться как структурная организация концепта, его каркас.

Сценарий противопоставляется фрейму как динамический способ репрезентации события. Для нашей работы существенно, что фрейм предполагает возможность его преобразования в сценарий, когда терминальные узлы и слоты функционируют в действии. Важно также, что сценарий обеспечивает выбор набора слотов из структурирующего определенным концептом фрейма.

Основанием для сближения сценария и фрейм-сценария является их динамика, а основанием для разграничения – “привязка” последнего к контексту конкретной

ситуации. Различие фрейма и модели ситуации связано со спецификой раскрываемого ими знания – абстрактного либо личностно значимого.

Существенное свойство сопоставляемых в разделе когнитивных структур заключается в том, что они позволяют ориентироваться в мире и в текстах о мире.

В параграфе 1.3. «Ссора как коммуникативное событие» раскрываются сущностные особенности события вообще как одного из основных понятий когнитивной лингвистики. Применение к семейной ссоре параметров событийности («отнесенность к жизненному пространству, динамичность и кульминативность, “сценарность”, преимущественная включенность в интерпретационный контекст» [Арутюнова 1988: 181]⁴) доказывает, что это коммуникативное событие. Анализ семной структуры событийной номинации *ссора* и глагола *ссориться* также позволяет отнести ссору к событиям коммуникативным: она фиксирует неблагополучие в бытовой межличностной коммуникации членов семьи, ее воплощение невозможно без использования конкретных речевых действий и соответствующих им речевых жанров. Лексико-семантический анализ показывает, что в значении слов *ссора*, *ссориться* сочетаются категориальные семы ‘отношение’ и ‘речь’, на что указывают компоненты толкования: «словесное выражение возникших противоречий» [СРМ 2014 Т.2: 321]⁵, «обмен взаимными упреками; ссориться – высказывать друг другу недовольство, препираться, браниться, ругаться» [СОШ 2013: 706]⁶.

В параграфе проводится разграничение понятий «коммуникативное событие» и «коммуникативная ситуация»: последняя мыслится как внутренняя форма коммуникативного события, комплекс факторов, оказывающих влияние на его протекание. Принимается во внимание положение о том, что коммуникативное поведение людей, в том числе их речевые реакции, определяются контекстной обусловленностью – культурной, социальной, ситуативной. Семейная ссора реализуется в обиходно-бытовой сфере устного общения, которое характеризуется как неофициальное, непринужденное, неформальное, личностно ориентированное. Семья и семейные отношения – наиболее закрытая сфера жизнедеятельности людей, поэтому ссоры между членами семьи чаще всего происходят в домашней обстановке, за закрытыми дверями, в отсутствие посторонних лиц – наблюдателей, свидетелей, и гораздо реже «на публику». Специфика семейной коммуникации обусловлена уникальностью отношений людей, связанных семейно-родственными узами, носителей постоянных семейных ролей: супругов, родителей и детей, кровных и некровных родственников. Ссора нередко обусловлена нарушением коммуникантами норм и правил: заданная социальными обстоятельствами асимметричность статусно-ролевых позиций, вертикальная коммуникативная дистанция игнорируются, не принимаются во внимание. Семейная ссора может возникнуть спонтанно, в любое время и по любому поводу (хотя не исключено, что один из членов семьи может ее намеренно выносить и осуществить): конфликтными становятся вопросы отношения полов, семейной иерархии, компетентности членов семьи, распределения бюджета, выполнения хозяйственных обязанностей, воспитания детей и др. Опора на данные разных словарей позволяет отнести ссору к форме проявления семейного конфликта,

⁴ Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1988. – 341 с.

⁵ СРМ – Колесов В. В. и др. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 2. П–Я / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2014. – 592 с.

⁶ СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 8000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградов. – 4-е изд., доп. – Москва : А ТЕМП, 2013. – 874 с.

характеризующегося столкновением интересов членов семьи, возбуждающего отрицательные чувства (гнев, обиду, раздражение и др.), приводящего к разрыву отношений. Это сложное речевое событие, эксплицирующее репертуар определенных речевых действий кровных и некровных родственников, демонстрирующих противоречия коммуникантов.

Параграф 1.4. «Терминалы событийного фрейма «семейная ссора»: общая характеристика» служит решению задачи выявления и описания инвариантных параметров события ссоры. Здесь осмысливается опыт моделирования и анализа событийных фреймов на основе разных методик: концептуального анализа понятия «событие», фреймового анализа события «речевой конфликт» (В. С. Анохина, В. С. Третьякова, Ю. А. Эмер); ассоциативного эксперимента (Е. Г. Трещева), методики вопросов (Т. И. Попова) и выявляются безусловные, всегда справедливые по отношению к любому событию параметры.

Поскольку понятия «коммуникативное событие» – «ссора» – «семейная ссора» связываются родо-видовыми отношениями, дедуктивный ход исследования позволяет представить фрейм коммуникативного события как такового и его разновидности – ссоры, а далее ссоры семейной.

В целях осмысления необходимости включения терминалов в структуру событийного фрейма ссоры мы обратились к «Русскому ассоциативному словарю»⁷ (на событийные стимулы *ссора, ссориться* дается 71 ассоциативная реакция). Проверка выявила следующие терминалы (не фиксируется только терминал «место»): **«время и протяженность»** (*бесконечная, вечно*); **«стадии ссоры»** (*сеять, перелом, кончиться*); **«участники»** (*сестра, папа, зять, супруги*); **«речевые (неречевые) действия и противодействие»** (*пересуды, спорить, разговор, объяснить, ругань, орать, издеваться, кусаться, драка, отдай, противодействие, против*); **«причина-повод»** (*повод, причина, деньги, предательство, вранье*); **«оценка (эмоция)»** (*злоба, злиться, пыл, раздражение, безмозглый, гнев, стресс, дурь, сволочь, скандал*); **«результат»** (*развод, разводиться, ни слова, уйти, уходить, раздор, порознь, врозь, прощение, согласие, мирно, забыть, дружба*).

Мы посчитали целесообразным для последующего анализа речевого материала сделать некоторые уточнения. Во-первых, ущерб, который наносится речевыми действиями одного участника другому – «оскорбление действием, осмеяние, выставление в невыгодном свете, лишение чего-то необходимого и даже отказ в нежности» [Бэрон, Ричардсон 1999: 26]⁸ есть акт проявления агрессии, поэтому ссоре свойственны **агрессивные речевые действия**, инициированные одним из участников, **и противодействие**, осуществляемое другим участником. Во-вторых, фрейм «конфликт», представленный в динамике, дает возможность проследить стадии развития конфликта: его зарождение, созревание, пик, спад и разрешение (В. С. Третьякова). В динамическом описании ссоры эти стадии выделяются, однако в событийном фрейме как статичном образовании это выделение является проблематичным: для ссорящихся границы перехода от одной стадии ссоры к другой не очевидны и практически не получают вербализации. В-третьих, терминал «причина» не включается нами в моделируемую фреймовую структуру как безусловно фиксированный компонент. Исходя из презумпции связи событий, очевидно, что определенные поступки могут провоцировать ссору (она может возникнуть и на пустом

⁷ Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. II. От реакции к стимулу : Более 100 000 реакций / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – Москва : Астрель, 2002. – 992 с.

⁸ Бэрон Р. Агрессия / Р. Бэрон, Ричардсон Д. – Санкт-Петербург : Питер, 1999. – 352 с.

месте в результате какого-либо ранее совершенного речевого и неречевого поступка субъекта – например, невымытая посуда или случайно оброненное слово, но это может быть только повод, за которым кроются глубинные основания конфликта). Выполняя дидактико-назидательную, прогностическую, прескриптивную функции, паремии делают возможным выведение в светлое поле сознания мотивов ссоры, однако в живом речевом взаимодействии они не всегда получают вербализации (Ср.: **Я хочу командовать тобой, поэтому ссорюсь с тобой*). В-четвертых, введение в структуру фрейма терминала «оценка» позволяет описать взгляд на событие не только изнутри, но и извне. Внешняя модальность обрамляет фрейм, формирует отношение к событию, социальное мнение о данной ситуации.

Итак, анализ организации событийного фрейма «семейная ссора» выявляет следующие терминалы: **Участники; Место; Время и протяженность ссоры; Речевые и (неречевые) агрессивные действия и противодействие; Результат; Оценка.**

В параграфе 1.5. «Слоты фрейма «семейная ссора» и их наполнение по данным паремий» дается детализированная развертка событийного фрейма в опоре на паремии, проводится систематизация единиц, наполняющих слоты.

Терминал **Место** получает конкретизацию в слотах «дом» и «вне дома». Дом – это место общения членов семейного круга. Он противопоставляется пространству внешнему. Оппозиция *дом, свое пространство ↔ не дом, чужое пространство* позволяет идентифицировать субъектов ссоры как близких, *своих*, исполнителей семейных ролей. Парадигматический принцип организации коллективной памяти реализуется семантически связанными локальными номинациями *дом, изба, избышка* и метонимически с ними связанными номинациями *двор, ворота*: *Дом без еды бывает, дом без ссор – никогда. Муж задурит, половина двора горит, а жена задурит, и весь сгорит*. Пространственная, предметно-вещная лексика (номинации домашней утвари, инструментов, кушаний) аранжирует ситуацию противостояния членов семьи, используя не только в прямом значении, но и в переносном: *Муж в бане, а жена в амбаре – уговориться не могут*. Функцию локализма может выполнять и этнографема, выступающая как сигнал психологического пространства, символ общности и тесноты семейно-пространственных связей: *Муж с женой бранится да под одну шубу ложится*. Не принято выносить семейные ссоры из избы, посвящать в конфликт сторонних наблюдателей. Границей приватного и публичного пространства становятся символические места – *порог, окно* дома: *Избышку мети, а сор под порог клади. Добрая слава до порога, а худая за порог*.

Терминал **Время и протяженность**. Народная философия осмысляет временные границы всякого события на фоне и в ряду других событий: *Всему свое время*. Ссоры могут происходить на фоне мирно текущей, счастливой семейной жизни. Следующая поговорка подтверждает неразрывную связь концептов *ссора* и *мир*, составляющих бинарную оппозицию: *При счастье бранятся – при беде мирятся*. Временные маркеры (*при счастье – при беде*) фиксируют, казалось бы, противоречащее житейской логике поведение. Когда хорошо, когда есть *счастье* в доме – живи и радуйся, но люди затевают ссору из-за пустяков, начинают ругаться друг с другом. И наоборот, только когда в дом приходит *беда* – они осознают цену мира и спокойствия.

Вариативной реализацией терминала являются слоты «**кратковременная / быстротечная ссора**» и «**затяжная ссора**». Ссоре отводится свой срок: *Временем бранись, а в пору мирись!* Очевидно, в силу хозяйственной необходимости ради общего семейного блага ссора между членами семьи не получала затяжной, продолжительный характер: это приводило бы к сбою и разладу хозяйственно-экономического механизма, нарушало принципы ролевой сообразности, христианского прощения ближнего: *Ссора в своей семье до первого взгляда*. Идеально, если «цикл «ссора – примирение»

заканчивался в пределах одного дня» (перед отходом ко сну читались молитвы о прощении, христианин не мог причаститься, не примирившись с ближним) [Кушкова 2016: 249]⁹. Ссора может осмысляться как константа семейной жизни: *Брань не запас, а без нее ни на час*.

Слот «затяжная ссора» фиксирует длительный характер ссоры (*От обидного слова –навек ссора*), а также ее эскалацию: она быстро набирает обороты и отражается на отношениях между родственниками: *Легче ссоры избегать, чем ее прекращать. Первая брань лучше последней*.

Терминал **Участники** реализуется слотами «супруги», «родители – дети», «кровные и некровные родственники». Слот «супруги» заполняется терминами родства: *супруги, муж, жена (женка), старик, старуха: Муж с женой ругайся, а третий не мешайся. Перемутилась вода с песком, перессорилась старуха со стариком*. Пары существительных *вода и песок, горшок и котел, кошка и собака* и под. получают вторичную функцию репрезентации супругов. Ср.: *Горшок с котлом не наспорится*. Номинировать субъектов ссоры могут имена собственные, например: *Иван Марьи не слушается, сам приказывать горазд*.

Слот «родители – дети» заполняется лексемами *родители, мать, матка, отец, батька, мачеха, дети, сын, дочь, пасынок* и др. Слот не получает подробной разработки, потому что в народной культуре авторитет родителей непререкаем: *Дети родителям не судьи. Не на мать губы надувать*. В традиционной культуре «повиновение родителям является одной из базовых ценностей, кротость есть необходимое условие обучения, усвоения нор» [Леонтьева 2015: 31]¹⁰. Действует установка «Отец (родители) сказал(и), потребовал(и) – следует выполнять». Отклонение от норм регламентируется строгим наказанием: *Не слушается отца, послушается кнутца*. Под страхом смерти табуируется конфликт с родителями, нанесение им оскорблений, побоев: *Кто отца оскорбит – судит народ, кто мать оскорбит – нищим умрет. Кто об отце или матери худо говорит, того Бог смерть ускорит*. Действует предписание не затевать ссору с родителями, перетерпеть: *Молчок: разбил батька горшок; а мать хоть два, да никто не знает*.

Слот «кровные и некровные родственники» наполняется обобщенными номинациями с семьей родства, свойства: *родня, родственники, родные, близкие, свои (Болезнь – от пищи, ссоры – от родственников. Дать в долг родне или другому – неизбежная ссора)*; номинациями некровных родственников *теща, зять, свекор, свекровь, невестка, сноха, деверь, золовка, сват, сватья, кум, кума (Хочешь ссоры – возьми в дом зятя. Где сношка – там рассошка. Свекор – драчлив; свекровь – ворчлива; деверья – журливы, золовки – шутливы)*; номинациями кровных родственников: *брат, сестра, дети, тетя, дядя (Дети в ссоре – отцу с матерью горе. Был брат, да пошел собак драть)*.

Камнем преткновения в ссоре между родственниками становятся деньги, богатство (*Нам нечего ссориться, наследства не делить*), ущемление прав кровных и некровных родственников, «структурный конфликт»: *Женина родня входит в ворота, мужнина в прикалиток*.

⁹ Кушкова А. Н. Крестьянская ссора: опыт изучения деревенской повседневности: по материалам европейской части России второй половины XIX – начала XX век / А. Н. Кушкова. – Санкт-Петербург : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2016. – 318 с.

¹⁰ Леонтьева Т. В. Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. В. Леонтьева ; Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2015. – 40 с.

Не все из приведенных примеров прямо соотносятся с референтной ситуацией ссоры. Тем не менее, многие пословицы фиксируют предконфликтную ситуацию, сущность которой заключается в ее коммуникативной амбивалентности – вероятности достижения как ссоры, так и формального / настоящего примирения. Так, потенциально конфликтными являются отношения между свекровью и невесткой, тещей и зятем, вероятность ссоры, разлада между ними чрезвычайно высока. В русском обыденном сознании стереотипизируются представления о неуживчивости свекрови и невестки, особенно под общей крышей. Лингвокультурный типаж «злая свекровь демонстрирует идею вражды двух женщин: *Свекор – гроза, а свекровь выест глаза. Люб, что свекровин кулак.* Актуализируется идея семейно-гендерной иерархии, которая строится на страхе, издевательствах и грубой физической силе: *свекровь невестку мучит, сушит ей кровь, журит, бьет (свекровин кулак), злится на нее, дает наветки.*

Терминал **Агрессивные речевые (неречевые) действия и противодействие** выявляет репертуар разнообразных действий ссорящихся: *Поднимутся тучи – дождь будет, пойдут речи – ссора будет.* Они **спорят** по пустякам, отстаивая свое мнение, доказывая правоту (*Где споры, там и ссоры*); **бранятся** (*ругаются, костерят друг друга*), т.е. ‘выражают свое недовольство в грубых, резких словах’, что нарушает этические нормы: *Межи да грани – ссоры да брани.* Префиксально-суффиксальное существительное *перебранка*, мотивированное возвратным глаголом, обозначает взаимный процесс обмена грубыми словами: *Недобранка лучше перебранки.* Злобная брань делает человека похожим на животного (*собаку*), а саму ругань, брань рассматривают как *лай* и *грызню* собак: *Зев за зев грызться* (как собаки, став на дыбы). Стереотип «Сварливая баба хуже собаки» формирует представление об иррациональности женской ссоры: начавшись с пустяка, она может привести к «катастрофическим последствиям, нарушить установленный ритм семейной жизни» [Кушкова 2016: 210-211]¹¹.

Типичное речевое действие ссорящихся – **угрожать**, т.е. ‘требовать чего-л., предупреждать о чем-л., запугивая, грозя чем-л.’: *Я ему задам чесу.* К провокативным речевым действиям относятся также **упреки, насмешки, попреки, задиране и намеки.** Эти речевые действия формируют предконфликтную ситуацию: *От упрёка до ссоры недалеко. Насмешка приводит к ссоре; От шутки до ссоры недалеко; Конец ветра – буря, конец забавы – ссора; Намеки да попреки – семейные пороки; От недомолвки бывает размолвка.* Упреки, попреки (‘обидные упреки, укоры’) и насмешки выражают отрицательное эмоционально-оценочное отношение говорящего к действиям речевого партнера и направлены на изменение действий адресата сообразно представлениям адресанта. Ответные речевые действия (**противодействие**) могут быть зеркальными: оскорбление – **ответное оскорбление.** Ср.: *Остер топор, да и сук зубаст. Сошлись, как клин с обухом. Метут в два веника.*

Нежелание уступить, пойти на компромисс отражается пословице: *Первая чарка шумиха, вторая задериха, третья – неуступиха* (шумиха – делающая кого-л. шумным). Здесь наглядно фиксируется механизм развития ссоры: один субъект ведет себя вызывающе, шумно, задирает другого, т.е. пристает к нему, провоцируя ссору, драку – другой поддается на провокацию, ссора начинает развиваться по накатанному сценарию. Если же второй субъект уступает в ситуации ссоры (*Противное противному уступай!*), то напряженность нейтрализуется и речевое взаимодействие развивается в русле коммуникативной гармонии. Паремии фиксируют способы гармонизации

¹¹Кушкова А. Н Крестьянская ссора: опыт изучения деревенской повседневности: по материалам европейской части России второй половины XIX – начала XX век / А. Н. Кушкова. – Санкт-Петербург : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2016. – 318 с.

конфликта: **извинение** (*Хочешь в ссоре верх взять – скажи, что виноват*); **молчание** (*Молчанье ссору гасит*); **уход от общения** (*Легче ссоры избегать, чем ее прекращать. Не за всяким тычком гонись*).

В ситуации ссоры типично и рукоприкладство, которое в традиционной культуре считается возможным способом регламентации поведения одной из сторон. Отношение к рукоприкладству амбивалентно: с одной стороны, русские пословицы открыто призывают к экстремальным способам разрешения противоречия, с другой – предписывают урегулировать конфликт мирными способами: *Чем ругаться, лучше собраться да подраться ↔ Брань лучше драки; Чем горло драть, лучше кулаки в ход пустить ↔ Языком и щелкай и шипи, а руки за пазухой держи*. Выделяется малая глагольная парадигма, характеризующая телесные действия субъекта: *драться, бить, огреть, ударить, хлестнуть, распускать кулаки, дать волю рукам, кулаки в ход пускать, хватать за бороду, дать нахлобучку, дать сдачи*. Пословицы образно воссоздают ситуацию драки, описывают ее зрелищность: *Такой Содом, что пыль столбом. Весь дом вверх дном. Горшки летят, черепушки колются*.

Инициатором рукоприкладства чаще становится мужчина как более сильный, причем народная точка зрения оправдывает его поведение как действенный способ воспитания и обеспечения повиновения: *В бабьей жизни когда ласка, а когда и таска; Бабе спустишь – сам баба будешь*. Доминирует мужской взгляд на ссору, гендерная асимметрия в семейном домостроительстве базируется на ущемлении прав женщины.

Допускается и женское рукоприкладство: *В стары годы бывало – мужья жен бивали, а ныне живет, что жена мужа бьет*. Причина такого поведения – смещение гендерных стереотипов: маскулинность женщины (*Этой бабе только бы штаны надеть* (бойка, как мужчина)) и женоподобность мужчины (*Муж у нее колпак. Баба ай-ай, а муж – малахай*). Пословицы подчеркивают специфику проявления женской драки: женщины плюются, таскают друг друга за волосы, кусаются: *Бабы бранятся, так платки с голов валяются; Перербранятся бабы – без переплевки не обойдется*.

Терминал **Результат** представлен точно, фрагментарно, что можно объяснить статичностью пословиц как когнитивных структур. Позитивный результат ссоры – примирение – воплощается в слоте «**гармоничный результат**». В христианском сознании реализуется установка на прощение и мир: *Хоть на себя попустишь (пустишь), да помиришь*. Примирение супругов, родителей и детей основывается на ценностях душевной и телесной близости, любви, общности: *Муж с женой бранятся, а спать вместе ложатся. Материнский гнев, что весенний снег: и много его выпадет, да скоро тает. Сыновья брань нукорня (неукорная) – своя кровь (неукорный – безобидный)*. Ценности семейного мира и лада – фундамент семейного счастья: *Где любовь да совет, там и рай, там и свет, а где ссоры да споры, там только лишь вздоры*.

Слот «**дисгармоничный результат**» свидетельствует о том, что ссора обостряет противостояние членов семьи, очаг коммуникативного напряжения перманентно «пульсирует»: *Вместе тесно, а розно тошно*. Коммуникативный результат ссоры – временное разобщение, затаенный гнев, психологический дисбаланс общения. В его основе лежат непрощенные обиды, гордость, самомнение: *Самому идти мириться – не годится, а посла заслать – будут люди знать. Поссориться легко, помириться трудно*.

Терминал **Оценка**. Субъектом оценки выступает народная культура. Семейная ссора квалифицируется как зло, грех, порок, *нелады*, тупиковая ситуация, получает отрицательную этическую оценку: *Ссора до добра не доводит. Нелады да свары хуже пожара. Где ссора, там нет удачи*. Ссора забирает у человека психическое и физическое здоровье (*Доброму человеку в ссоре всяко нехорошо*), способствует разъединению членов семьи (*Кто умеет беситься, тому ни с кем не ужиться*) и, как

следствие, оскудению семейного достатка и благополучия (*В доме, где есть ссоры, нет достатка*).

Ссора может оцениваться положительно (*Всякая ссора красна мировую*) и нейтрально (*Дом без еды бывает, дом без ссор – никогда*). Ссора осознается как неотъемлемая составляющая семейной жизни, неизбежное следствие грехопадения, искажения принципа взаимной гендерно-ролевой дополнителности. Как это ни парадоксально, в ссоре есть и польза, поскольку на «поверхность» семейной жизни «всплывает» то, что является камнем преткновения для нормального функционирования семьи. Без ссор семейная жизнь кажется даже пресной: *Любовь без ссоры что суп без соли*. На фоне ссоры актуализируются ценностные смыслы коммуникативного лада и гармонии: *Где лад, там и клад. Хорошо браниться, когда мир готов*. Ценностная трихотомия отражает диалектику и сложность семейного бытия. Конфликт расшатывает его основы, попирает ценность семьи, но осознается как явление неизбежное. Положительное влияние ссоры кроется в обновлении отношений родственников, осознании ценности семьи.

Событийный фрейм эксплицирует идеальную сторону семейной жизни «методом от противного». Мир и лад в семье как микрокосме являются основой нравственно-бытового комплекса, базирующегося на христианском подходе к жизни. Семейная жизнь должна строиться на этических ценностях – уважении, заботе, любви, культурной традиции (соблюдении статусно-ролевых прав и обязанностей членов семьи). В паремиях объективируются нормы речевого поведения, которые, в качестве рекомендации, помогают избежать ссор.

Глава 2. «Речедетельностная интерпретация событийного фрейма «семейная ссора»». В параграфе 2.1. «Коммуникативное событие в аспекте прагматики» обобщаются научные достижения последних десятилетий в области коммуникативной прагматики, методологически значимые для описания речевого поведения. В трудах В. В. Богданова, И. Н. Борисовой, Е. М. Верещагина, Б. Ю. Городецкого, П. В. Зернецкого, О. С. Иссерс, Е. В. Ключева, Н. Н. Кошкарковой, В. Г. Костомарова, А. В. Ланских, Т. В. Матвеевой, М. Ю. Олешкова, Л. П. Рыжовой, Я. Т. Рытниковой, К. Ф. Седова, А. П. Сковородникова, И. П. Сусова, С. А. Сухих, В. С. Третьяковой, Н. И. Формановской и др. ставятся проблемы понимания коммуникативных стратегий и тактик как способов вербального воздействия, достижения результативного общения, осуществления коммуникативной координации речевых партнеров.

Коммуникативные стратегии и тактики являются продукцией ряда когнитивных и речевых операций: понятия противопоставляются как когнитивное (стратегия) и речевое (тактика) образования; как коммуникативные интенции различного масштаба; как процессуальная единица и конкретное речевое действие; как общий замысел речевого взаимодействия и конкретные речевые ходы. В диссертации выбрано понимание стратегии как «мыслительного плана общения посредством речи, направленного на достижение общей коммуникативной цели в речевом событии, организации говорящим своего речевого поведения в соответствии с этим планом, а также условиями общения, ролевыми и личностными особенностями речевых партнеров, культурной традицией» [Матвеева 2010: 386]¹². Тактика направлена на решение частных (локальных) коммуникативных целей.

Стратегия реализуется в синтагматике тактик, которые можно сгруппировать по критерию сходства в достижении общей коммуникативной цели. Речевому уровню

¹² Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 562 с.

соответствует речевой фрагмент, соотносящийся с одной тактикой – речевой ход. В качестве единицы описания выбрано понятие «диалогическое единство»: это диалогические фрагменты, объединяющие несколько реплик участников ссоры на тематико-психологической основе.

Задача **параграфа 2.2.** «Динамическое воплощение событийного фрейма «семейная ссора»» – показать, как происходит семейная ссора и к чему она приводит в конкретной ситуации, чем заполняются слоты событийного фрейма, как они влияют на развитие речеповеденческих сценариев в ситуации ссоры.

В **параграфе 2.2.1.** «Терминал Место» описывается пространство развертывания семейной ссоры. Выделяются слоты «дом» и «вне дома», фиксирующие пространственные координаты ссоры. Под «домом» понимается внутрисемейный локус, семейная ссора, как правило, происходит дома, в домашней обстановке.

Слот «дом» заполняется лексемами с пространственной семантикой: *дом, квартира, комната, коммуналка, кухня* и под. Эти единицы вычлняются из описания обстановочного контекста, представленного в ремарках пьес, из реплик персонажей; фиксируются в коммуникативных предысториях и высказываниях речевых партнеров в живом взаимодействии. Ср.: *Действие происходит в московской квартире* (Ю. Тупикина, «БА»); *Я на работе заведу / а потом домой прихожу и сразу полкана спускаю // Я терплю токо на работе / а дома я не могу// Дома я «р-р-р» // [ЖРУГ 2011]*¹³. В обстановочный контекст включаются и предметы домашнего обихода: *мебель (обеденный стол, диван, кровать); домашняя утварь (кастрюля, нож, вилка, тарелка); предметы бытовой техники (холодильник, плита, микроволновка, утюг); вещи (носки, подушка, джинсы) и под.,* которые по-своему участвуют в конфликтном противостоянии речевых партнеров, например, становятся поводом к ссоре или предметом ссоры: (жена о бывшем муже) *Он не работает /из дома телевизор утащил //;* (невестка – свекрови) *Я када пришла к вам / у вас ни мебели / ни [нец.] не было // [ЖРУГ 2011].*

Знаковую функцию в ситуации семейной ссоры выполняет кухня, которая в русской бытовой культуре ассоциируется с местом для разговора по душам, для выяснения отношений, становится обобщенным образом женских ссор. Ср.: *Две женщины у одной плиты не сварят / дележка начнется // [ЖРУГ 2011].* Так, поводом для ссоры между свекровью (А.) и невесткой (Б.) становится кастрюля с супом.

А. *Чё приготовила / борщ? Это хорошо! Сашка (сын Б., муж А.) любит супчик // А какое мясо взяла?*

Б. (сдерживая раздражение) *Не ваше! Купила в магазине //*

А. (с возмущением) *Дак почему купила?! В морозилке мясо разделанное для супа/ для жаркого // Я же говорила / бери // Тут лосятина / там кабанятина //*

Б. *Захотела вот и купила // Какая разница!*

А. *Как какая?! Большая! Лосиное мясо и из магазина / есть разница?! А ты его хорошо промыла? <...> пену-то плохо сняла / я вижу // А какие приправы /*

Б. (перебивает) *Блин / скоко можно меня инспектировать! Достали меня своими придирками! Как умею / так и готовлю // Еще никто не отравился! Уходит с кухни. [РТ]*¹⁴

А. ревностно относится ко всему, что делает невестка, которая, как ей кажется, не умеет экономить, плохо готовит, поступает неразумно. Свекрови хочется, чтобы невестка научилась у нее премудростям хозяйственной жизни, приняла сложившийся в

¹³ ЖРУГ – Живая речь уральского города : устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия / сост. И. В. Шалина. – Екатеринбург, Урал. ун-т, 2011. – 360 с.

¹⁴ Разговорная текстотека.

семье уклад, однако **Б.** не желает подчиняться и поступает по-своему. Молодая женщина интерпретирует речевые действия **А.** как постоянные незаслуженные придирки (*Достали меня со своими придирками!*), как проявление желания установить над ней контроль (*скоко можно меня инспектировать!*), поэтому она дерзко отвечает свекрови. Ссора обнажает глубинные, архетипические противоречия, вызванные нарушением иерархии семейно-ролевых прав и территориальными притязаниями. Свекровь всем своим поведением показывает, что она находится на своей территории и является хозяйкой дома, а невестка должна слушаться ее во всем.

Выделяется и психологическое пространство. Своими мыслями, чувствами, ценностями-целями, жизненными принципами человек формирует вокруг себя пространство, частью которого является и он сам. Семейный конфликт позволяет личности отрефлексировать границы своего психологического пространства, пережить его как нарушенное или сохраненное. Например, ссора тещи **А.** (72 г.) и зятя **Б.** (45 г.) выявляет пространство их взаимного отчуждения.

А. *Я ни разу не видела / чтобы вы с женой сели обсудили / чё купить/ чё сделать // Чё это за семья такая?! Ешь всегда один / никогда жену не ждешь/ по три часа за столом высиживаешь //*

Б. *Как хочу / так и ем // У вас в семье так было / у нас по-другому // Отец всегда поздно приходил / поэтому мать никогда не ждала его // Все ели отдельно //*

А. *Мама у тебя точно с приветом / и ты такой же/ с приветом// Придурок //*

Б. машет рукой, уходит в комнату. [ЖРУГ 2011]

А. не нравится, что **Б.** не принимает участия в обсуждении семейных дел, планировании семейного бюджета. Теща, для которой чувство причастности к семейной общности абсолютизируется, не понимает зятя, отдалившегося от семьи и упрямо отстаивающего свое право на «автономию» в общем семейном пространстве. Столкновение внутрисемейных ценностных установок коммуникантов порождает взаимную неприязнь. Чувство стесненности от ощущения нарушения границ психологического пространства вызывает у зятя желание не видеть и не слышать тещу:

Б. *уходит в комнату.*

Тексты-разговоры участников семейных ссор позволяют сделать еще одно наблюдение: домашний локус означивается не только как место протекания ссоры, но и как объект собственности, являющийся типичной причиной конфликтов.

Семейная ссора может происходить вне семейного локуса. В слот «вне дома» может входить любой соответствующий пространственный указатель: *улица, парк, ночной клуб, чужая квартира, дом подруги* и др. Например, **М.** (муж) и **Ж.** (жена) находятся в гостях, в доме друзей. Начавшаяся между ними стычка не получает дальнейшего развития – этому мешают ситуативные обстоятельства: наблюдатели «прекословного» разговора, чужой дом.

Ж. *Денис // Давай нас Сережин брат сфотографирует всех вместе // Один же кадр остался //*

М. *Нет / я не хочу // Я не люблю фотографироваться //*

Ж. *Денис / ну давай все-все вместе //*

М. (раздраженно) *Анька! Как меня бесит/ что ты постоянно ко мне цепляешься //*

Ж. (обиженно) *Да чё такого-то? Я хотела / чтобы ты вместе с нами //*

М. *Всё / проехали // Я с тобой дома поговорю //*

Ж. молчит. [РТ]

В диалогическом единстве реализуется сценарий «Сдерживание конфликта», однако реплика **М.** (*Я с тобой дома поговорю*) свидетельствует о его неисчерпанности. С высокой долей вероятности можно предположить, что в домашней обстановке «выяснение отношений» продолжится.

Интерпретация терминала **Место** фиксирует важную роль семейного пространства – физического и психологического. В целом можно утверждать, что запрет на публичную ссору сохраняется. Нарушение коммуникативно-пространственного табу объективирует коммуникативную личность как психотип (конфликтный агрессор).

Параграф 2.2.2. «Терминал Время и протяженность». Семейная ссора не имеет своих четко очерченных темпоральных границ, может возникать спонтанно, в любое время либо вынашиваться и приурочиваться к определенному времени, событию. Она имеет разную протяженность – от нескольких минут до более длительного времени. В разделе подробно описываются разнообразные лексико-грамматические средства выражения времени: наречия, существительные, прилагательные с темпоральной семантикой, видо-временные формы глаголов, предложно-падежные формы, синтаксические конструкции.

Высказывания коммуникантов подтверждают идею “опространствования” времени (М.М. Бахтин, Н.Д. Арутюнова). Ср.: *Я на работе заведусь / а потом домой прихожу и сразу полкана спускаю* – фиксируется не только место протекания семейной ссоры, но и ее начало (после работы – сразу дома) [ЖРУГ 2011].

Разумеется, в реальном речевом взаимодействии фазы протекания ссоры, а также точки фиксации времени события не получают языковой экспликации (Ср.: **А сейчас переходим к кульминационному моменту / к концу ссоры; *Мы начали ссориться в 8 часов* и под.). Обыденное время может измеряться временем жизни как психологическим феноменом. Обычно оно характеризуется атемпоральностью: его осознание происходит по событиям, его заполняющим, а не по каким-либо физическим параметрам. Механизмы психологического времени могут делать давно минувшее близким и недавним, приближать далекое будущее так, что оно становится неотличимым от сегодня и сейчас. Так, ссора бывших родственников – невестки (**Н.**) и свекрови (**А.**) – показывает: дела давно минувших дней (начало совместной жизни) припоминаются коммуникантками как веские аргументы опорочивания друг друга:

Н. <...> *Я када пришла к вам / слушай / у вас ни мебели / ни [нец.] не было // Вы божжи//И пыль / и грязь была //*

А. *А ты прибралась / такая засранка! Ничё не делала! <...>* [ЖРУГ 2011]

Состояние вражды актуализирует механизмы долговременной памяти бывших родственников, «вытаскивая» из ее «закоулков» бытовые детали обустройства дома, чистоты и порядка, факты поведения. Показательно, что женщины отлично помнят все подробности тогдашней жизни.

На основе категории протяженности времени мы выделили два слота: «**быстротечная ссора**» и «**застарелая ссора**». Быстротечная ссора, по сути, является временной размолвкой, поводом для которой могут стать мелкие, повседневные бытовые проблемы, выявляющие какое-либо противоречие между членами семьи, но не приводящие к затяжному конфликту. Такова, например, ссора между мужем **М.** и женой **Ж.** в домашней обстановке.

Ж. *Вова! Ты видел, какое у мамы устройство на кухне? Здорово придумано / чтоб труба не засорялась // Мама сказала / что это Виктор (брат жены) сам сделал... Вообще Виктор молодец / хозяйственный // Давай на кухне также сделаем/ а?*

М. *У нас же на кухне есть типа такого устройство //*

Ж. *Но вечно же засоряется // То будет лучше // Позвони Виктору / он тебе объяснит / как сделать //*

М. (раздраженно прерывает жену) *Ничего мне не нужно объяснять! Ничего делать не буду! Поняла? Куда мне до Виктора! Он ведь не такой бездельник / как я //*

Ж. (обиженно) *Поняла // Ничего делать не будешь //* (Выходит из комнаты.) [РТ]

Жена ненамеренно провоцирует мужа, используя тактику похвалы своего брата. Муж воспринимает ее высказывание как намек на его бесхозяйственность, как косвенный упрек и сомнение в его компетентности. Самоподкалывание мужа создает напряженный эмоциональный фон коммуникации. Тактика сорванного раздражения **М.**, который не может скрыть свою обиду, вызывает, в свою очередь, обиду **Ж.** Наблюдается нарушение психологического баланса общения: некоторое время супруги «дуются» друг на друга и не *разговаривают*, а потом происходит примирение.

В основе застарелой ссоры лежит не доведенное до естественного гармонического разрешения противостояние членов «семейного круга». Эта ссора имеет глубинные ментально-ценностные основания. Слот выявляет темпоральные сигналы, которые включаются в состав аргументов обвиняющей стороны и помогают сформулировать претензии, а также в совокупности с другими языковыми средствами указывают на неодобрение действий домочадца. Например, свекровь постоянно укоряет зятя: *А он спит до девяти часов; Я ни разу не видела, чтобы вы с женой сели обсудили <...>; Ешь всегда один / никогда жену не ждешь / по три часа за столом высиживаешь.* Зять не хочет менять свои привычки: *У вас так / у нас в семье по-другому было // Отец поздно приходил с работы / мать его не ждала // Если все отдельно* [ЖРУГ 2011].

Выделенные темпоральные сигналы, отличающиеся количественно-качественным своеобразием, указывают на повторяемость действий одного из коммуникантов, отражают темпоральный опыт говорящего, косвенно фиксируют семейные поведенческие нормы и воплощают регламентированность социальной жизни.

В параграфе 2.2.3. «Терминал Участники» выделены слоты «супруги», «родители – дети», «кровные и некровные родственники», на основании которых выделяются виды семейных ссор, проявляющие статусно-ролевые характеристики членов семьи. За каждой ролью закреплены права и обязанности, соответствующее нормативное поведение, комплекс стандартных общепринятых ожиданий.

Слот «супруги» заполняется базовыми лексемами *муж, жена, супруг(а), отец и мать* (апеллятивы преимущественно в коммуникации между мужем и женой. Ср.: (муж – жене) *Не переживай / мать / будут у нас деньги*). Активно употребление антропонимов: *Паисусик, Надя, Сашка*. Функционально-ролевые обязанности супругов: «ведение хозяйства, организация досуга, психологическая поддержка» [Байкулова 2015: 133]¹⁵, воспитание детей и забота о них, исполнение супружеских обязанностей. Статусно-ролевые сдвиги, нарушение семейно-ролевой иерархии формируют очаги напряжения и приводят к ссорам, например:

МУЖ (грустно) *Что-то не так.*

ЖЕНА (на взводе) *Конечно, не так... Трубы текут, сантехнику менять надо... Коля в следующем году школу заканчивает...*

МУЖ *Да нет. Я не об этом.*

ЖЕНА *Ты про бабу Лиду? Вот увидишь – помрет она, а дом твоему братцу оставит, который за всю жизнь палец о палец не ударил... А как почувал, что бабка одной ногой в могиле, так ездить начал, гостинцы возить, а сам к дому присматривается... А ты как был тряпкой... а ты даже ухом не ведешь... Пусть забирает! И дом бабу Лиды, и огород, и пристройку... Нам ничего не надо!.. Колька третий год в одних ботинках...*

МУЖ *Что-то не так.*

¹⁵ Байкулова А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: дис. ... д-ра. филол наук / А.Н. Байкулова ; Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2015. – 590 с.

ЖЕНА (распаляясь) *Да что не так?! Все не так! Все у нас не так!! Назавтра холода обещали, я шкаф открыла, а мое пальто зеленое... моль пожрала!... вот такая дырища посередине... в чем ходить?...*

МУЖ (серьезно и искренне) *Прости меня.* («Свидетель», А. Яблонская)

Жена исходит из презумпции заботы мужчины-мужа о физическом выживании и благосостоянии членов семьи. Семейная ссора обусловлена сдвигом статусно-ролевой позиции мужа, устранившегося от активного освоения мира. Муж не оправдывает ролевых ожиданий жены: отказывается бороться за наследство, проявляет отсутствие мужской хватки, стратегической дальновидности. Диалогическое взаимодействие выявляет ценность мужской активности и предприимчивости в хозяйственных делах. Констатируется ненормативное положение семейных дел: *Все не так*. Асимметрия проявляется и в психологическом распределении ролей (по М. Д. Эрик Берну): Родитель (жена) и Ребенок (муж).

Слот «**родители – дети**». Субъектная организация включает номинации: *мать, мама, мамочка, отец, папа, сын, дочь, дети*. Активно используются антропонимы. Родительские роли ориентируют на демонстрацию родительского авторитета: «Ребенок учится в семье верному восприятию авторитета родителей» [Ильин 2012: 136]¹⁶. Нарушение ролевых обязанностей и неисполнение ролевых прав ведет к ссорам. В современной русской коммуникативной культуре детабуируются грубость, словесные выпады детей по отношению к родителям. Регламентация поведения детей осуществляется с помощью замечаний, запретов, проработки, морального унижения. Практикуется рукоприкладство. Например, мать (35 л.) и дочь (14 л.) разговаривают:

ДОЧЬ *Мама, расскажи мне о твоём отце...*

МАТЬ *Позже...*

ДОЧЬ *Почему позже, я хочу сейчас... Кто был твой отец?*

МАТЬ *Я родилась и выросла в селе... Мой отец был в этом селе учителем...*

ДОЧЬ *Это неправда! Он не был учителем!*

МАТЬ *Замолчи! Он был учитель!*

ДОЧЬ *Ты сама никогда мне не говорила правду! Ты спрашивала, кто меня научил лгать? Ты! Ты меня научила!*

МАТЬ *Молчи! Грубиянка! (Мать бьет дочь по щеке) Не смей так со мной разговаривать! Я твоя мать! Ты ничего не понимаешь!* («Мать и дочь», Л. Ансельм)

Словесные выпады дочери, отстаивающей ценность правды, воспринимаются матерью как нарушение этической нормы. Доверительного кооперативного общения между близкими не происходит. Нарушение границы дозволенного восстанавливается с помощью стратегии власти. Родительский авторитет поддерживается речевой и неречевой агрессией. Диалог укрупняет ценности родительского авторитета, уважения старших, послушания, свободы и независимости.

Слот «**кровные и некровные родственники**» заполняется лексемами *брат, братец, сестра, бабушка (ба), баба + имя собственное, дед, дедушка, внучка, свекровь, невестка, теща, зять, деверь, шури, сваты* и др.

Ценностные установки на любовь, уважение, сострадание, доброжелательное отношение к членам «семейного круга» транслируются народной культурой: «Доброта и любовь к родственникам кровным становится обязательным условием если не любви, то хотя бы глубокого уважения к родственникам некровным» [Белов 2013: 153]¹⁷.

¹⁶ Ильин И. А. Путь духовного обновления / И. А. Ильин. – Директ-Медиа, 2012. – 290 с

¹⁷ Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики / предисл. С. Н. Семанов; отв. ред. О. А. Платонов. – Москва : Институт русской цивилизации, 2013. – 512 с.

Речевой материал эксплицирует межпоколенные конфликты, обусловленные неприятием молодыми жизненного опыта старших. Фиксируются типичные ролевые конфликты: свекровь – невестка; теща – зять; бабушка – внуки. Ср.: фрагмент ссоры между внучкой (Оля) и бабушкой (Ба):

ОЛЯ *Как я ненавижу это! Как я тебя ненавидела, когда ты меня так воспитала! “Оленька, девочка должна быть скромной, тихой, молчи и улыбайся!” Да я просто деревенела, я в бревно превращалась от этого! Меня в школе считали чокнутой, идиоткой от такого воспитания твоего!*

БА *Да я тебя по житиям воспитывала...*

ОЛЯ (перебивая) *Ты же меня еще и одевала, как Агафью Лыкову – какие-то свои старые платья, какой-то пояс из собачьей шерсти...*

БА (перебивая) *Оля! Так у тебя же почки болели! <...>*

ОЛЯ (перебивая) *<...> Ты мне всё детство испортила!*

БА *Вот она, твоя благодарность! (Уходит.) («Ба», Ю. Тупикина)*

Традиционно роль бабушки заключается в помощи своим детям в воспитании внуков. Бабушка проецирует ментально-поведенческие стереотипы, впитанные ей с детства, на внука. Возраст выступает важным фактором, проявляющим ментально-ценностные различия. Ролевые ожидания бабушки не оправдываются: внучка обвиняет ее в причинении психологического и морального вреда.

Выделенные слоты позволяют описать участников ссор в аспекте их статусно-ролевых характеристик. Нарушение коммуникативных, ролевых прав (например, на аксиологическую свободу, неприкосновенность личного пространства близкого человека), несоблюдение ролевых обязанностей (послушания, воспитания) приводят к семейно-ролевым конфликтам. Межпоколенная ссора демонстрирует ментально-ценностные разрывы сознания, находящие поведенческие корреляты.

В параграфе 2.2.4. «Терминал Агрессивные речевые (неречевые) действия и противодействие» описывается перечень агрессивных речевых (неречевых) действий, выступающих движущей силой развития ссоры. Анализ конфликтных диалогов предваряет описание сущности феномена агрессии. В психологической трактовке агрессивной модели поведения (Р. Бэрн, И. А. Кох, Л. Пипло, Д. Ричардсон, Д. Сирс, Ш. Тэйлор и др.) акцентируется внимание на намеренном причинении человеком вреда – физического или вербального. В лингвистических исследованиях (И. Н. Борисова, О. Н. Быкова, Т. А. Воронцова, Н. Н. Кошкарлова, К. Ф. Седов, В. С. Третьякова, Ю. В. Щербинина и др.) конкретизируются действия речевого агрессора: установление / поддержание социального и психологического неравноправия в общении, обеспечение собственного превосходства при дискриминации адресата агрессии, описываются конфликтогенные стратегии и тактики речевого поведения. Дифференциация понятий «агрессивность», «агрессия» и «псевдоагрессия», установление каузальных связей между речевой агрессией и конфликтом способствуют осмыслению механизмов и закономерностей протекания ссоры, поиску форм выражения речевой агрессии.

Описание семейной ссоры в динамическом аспекте позволило выделить параграфы 2.2.4.1. «Предконфликтная ситуация» и 2.2.4.2. «Конфликтная ситуация».

Параграф 2.2.4.1. «Предконфликтная ситуация». Предконфликтная ситуация рассматривается как этап накопления предпосылок для перехода к открытому конфликту. Это своего рода «инкубационная» стадия, характеризующаяся появлением точек напряженности (появляются вербальные маркеры выражения неудовлетворенности, обеспокоенности, раздражения и под).

Предконфликтная ситуация может существовать некоторое время, не получая экспликации. Участники взаимодействия идут на коммуникативный риск, балансируя

на грани ссоры. Нейтрализация напряжения происходит за счет волевых усилий одного из них. В этой ситуации могут реализоваться разные речеповеденческие сценарии, способствующие нейтрализации напряженности, поискам компромисса, гармонизации общения или дальнейшей эскалации конфликта. Приведем пример (общение мужа и жены):

НАДЯ *Как на работе?*

ПАВЕЛ *Да нормально.*

НАДЯ *И всё?*

ПАВЕЛ *Че тебе конкретно надо, ну? Тебя интересует, как у нас толчок закрыт уже две недели и мы всем цехом за угол бегаем? Че ты хочешь от меня, ну?*

НАДЯ (села за стол) *Раньше ты всегда мне что-нибудь рассказывал.*

ПАВЕЛ *Раньше... Дорогая моя, ты живешь в прошедшем времени.*

НАДЯ *Дорогой ты мой, а что изменилось-то?!*

ПАВЕЛ *У нас формат поменялся. И об этом больше незачем знать. Никому. Оно тебе надо, а?! <...> («Дима любит таблеточки», И. Синило)*

Выбор женой кооперативной стратегии для налаживания общения с мужем не приносит эффекта: коммуникативный саботаж мужа создает напряженность и служит косвенным отказом поддерживать общение в русле коммуникативной гармонии. Жена вынуждена поддерживать выбранный мужем «формат» общения. Любые попытки «переформатировать» семейную коммуникацию могут привести к сценарию «Эскалация ссоры». Представленное взаимодействие рассматривается как находящееся на грани ссоры, но не переходящее в нее.

Анализ диалогов показывает, что в предконфликтной ситуации частотны инициальные агрессивные тактики *провокативного вопроса, вопроса «в лоб», сорванного раздражения, призыва к ответу, насмешки, констатации негативного факта, отрицательной оценки, упрёка, попрека, обвинения, оскорбления*. В речеповеденческом сценарии «Избегание конфликта» частотны реактивные тактики *предупреждения, игнорирования речевого партнера, ухода от ответа* и др.

Предконфликтная ситуация приводится в действие как с помощью осознанных, так и с помощью неосознанных тактик. Типичными иницирующими ссору тактиками становятся: упрёк / попрек ($\approx 15\%$ от общего количества выявленных тактик); оскорбление ($\approx 13\%$); издевка ($\approx 11\%$); сорванное раздражение ($\approx 10\%$); обвинение ($\approx 10\%$) и др.

Параграф 2.2.4.2. «Конфликтная ситуация». Собственно конфликтная ситуация имеет место тогда, когда начинается открытое противоборство сторон. В ней реализуется сценарий «Эскалация конфликта». Каркас коммуникативного конфликтного сценария как инвариант был обозначен исследователями в общих чертах. По нашим данным, ссора обычно протекает так: экспликация разногласий, укоры, обвинения, констатация негативных фактов одной из сторон соответствуют предконфликтной ситуации, а пикировка как собственно перепалка, спор, перебранка маркируют конфликтную ситуацию. Вместе с тем, как показывает речевой материал, демаркационная линия между этими ситуациями может быть едва различимой, а переход от одной ситуации к другой – мгновенным. В некоторых случаях можно говорить о наложении обозначенных ситуаций.

В параграфе анализируются целостные диалогические фрагменты из пьес современных драматургов. Например, из пьесы Я. Пулинович «Земля Эльзы», выделяется диалогическое взаимодействие, демонстрирующее динамику развития ссоры между матерью и дочерью (дочь Ольга узнает, что мать Эльза, не успев похоронить мужа, встречается с пожилым мужчиной. Ей важно не допустить развития серьезных отношений между ними, пристыдить мать, сохранить status quo и косвенно

свой статус (она наследница родительского дома). Ссора обнажает внутриличный и мировоззренческий конфликты коммуникантов. Для реализации указанных мотивов Ольга использует конфронтационную стратегию и стратегию демонстрации власти. Своими агрессивными действиями дочь наносит матери психологический ущерб: унижает, оскорбляет, обвиняет, осуждает и др. Речевое поведение Эльзы – иллюстрация протеста против постоянных унижений умершего мужа, пробуждения достоинства и желания женского счастья. Мать прибегает в основном к стратегии защиты. Тактико-стратегические линии речевого поведения выделяются на основании коммуникативно-прагматического анализа речевых партий коммуникантов, формализуются в таблицах. Для иллюстрации соотношения агрессивных и неагрессивных тактик используется диаграмма:

Диаграмма

В конфликтной ситуации частотны агрессивные речевые тактики *отказа от ответа, демонстрации превосходства, издевки, глумления, выговаривания, попрека, прямого/косвенного обвинения, осуждения, прямой / непрямой угрозы, отсыла, оскорбления (инвективы)*, неречевые тактики *рукоприкладства, молчания*. Они формируют стратегии понижения статуса партнера, провокации, демонстрации власти и др. Самые частотные тактики, кроме тактик оскорбления, обвинения, – осуждение ($\approx 7\%$); запрет ($\approx 8\%$). На стадии завершения ссоры частотны тактики предупреждения ($\approx 10\%$); угроза ($\approx 7\%$); отсыла ($\approx 6\%$) и др.

Агрессия “умножается” за счет столкновения деструктивных тактик, например: упрек ↔ оскорбление; отсыл ↔ угроза; обвинение ↔ глумление. Асимметрия ролевых позиций ведет к взаимодействию агрессивной и псевдоагрессивной тактик, например: оскорбление ↔ запрет; попрек ↔ откровенность; осуждение ↔ опровержение.

Выделение предконфликтного и собственно конфликтного этапов позволяет проследить механизмы развертывания речеповеденческих сценариев эскалации конфликта, поиска компромисса, разрыва отношений. Каждый этап характеризуется набором наиболее типичных стратегий и тактик, имеющих агрессивный характер.

Параграф 2.2.5. «Терминал Результат» посвящен описанию коммуникативного результата семейной ссоры, которая, как всякое коммуникативное событие, протекающее в соответствии со стадиями развития, ведет к определенному финалу. В данном параграфе выделяются слоты «дисгармонический коммуникативный результат» и «гармонический коммуникативный результат».

Коммуникативный результат определяется относительной исчерпанностью партнерами общения речевых действий и достижением ими определенных эмоциональных состояний, психологического баланса отношений. Таким образом, исход конфликтной ситуации может быть речевым и психологическим.

Реакция коммуниканта на агрессивные речевые действия может быть разной. Ощущение угрозы, исходящей от агрессора, может заставить действовать «зеркально», что способствует эскалации конфликта и ведет к коммуникативной дисгармонии. Сознательное подавление агрессии, напротив, способствует избеганию конфронтации, выбору иных, не агрессивных, модусов поведения, нейтрализующих напряжение или временно вуалирующих его. Гармоническое / дисгармоническое разрешение конфликта зависит от доминирования конструктивных / деструктивных речевых действий коммуникантов. Факторами, влияющими на результат, становятся степень агрессивности речевых действий и противостояние им, психотип личности, реализация выбранной тактико-стратегической линии.

Результат ссоры начинает вызревать в коммуникативной фазе и проясняется в фазе завершения ссоры и посткоммуникативной фазе. В случае мирного разрешения ссоры и правильно сделанных выводов, члены семьи получают ощутимую пользу, хороший жизненный опыт. Для окончательного примирения, восстановления взаимного доверия, уважения и любви требуется время.

«Дисгармонический коммуникативный результат» иллюстрируется речеповеденческим сценарием «Разрыв отношений» (он может быть временным или окончательным). Приведем пример диалога супругов, брак которых «трещит по швам». В честь годовщины своей свадьбы они устраивают ужин с друзьями. Муж «борется» с двумя интенциями: объявить жене о разводе / наладить с ней отношения. Интенция примирения запускает сценарий «Примирение», который неожиданно разрушается неловким движением мужа (*опрокидывает кактус*).

МУЖ (Обнимая Жену.) *Мир?*

ЖЕНА *Мир.*

МУЖ *Навсегда?*

ЖЕНА *Навсегда*

МУЖ целует Жену, при этом опрокидывает кактус.

ЖЕНА (Расстроенная) *Ну вот...*

МУЖ (Бодро) *Ничего страшного. Купим новый, еще больше этого.*

ЖЕНА *Я растила его столько лет, а ты – «ничего страшного».*

МУЖ *Стоит ли огорчаться из-за пустяка? Ведь мы решили начать новую жизнь.*

ЖЕНА *Пока мои огорчения ты считаешь пустяком, жизни у нас не будет.*

МУЖ *Зачем нам этот бестолковый, уродливый кактус? Он же заслонял нас друг от друга.*

ЖЕНА *Ты просто ненавидишь все, что связано со мной.*

МУЖА *ты ненавидишь самого меня.*

ЖЕНА *Значит, есть за что. (Порывисто уходит.)*

Жена плачет в спальне, уткнувшись лицом в подушку. Входит на кухню друг мужа.

ДРУГ (Поднимая кактус) *Ты что, опять не в себе? Снова сцепились?*

МУЖ *Ведь жить с нею совершенно невозможно. Во-первых, она никудышная хозяйка. Все забывает, ничего не успевает, дома не прибрано, обед не сварен, белье не стирано... Суется без толку и при этом еще изображает себя загнанной лошадью. Во-вторых... Что во-вторых? Ах да – деньги. Вечно ей их недостает. Что мне, воровать их, что ли? <...>*

(«Сегодня или никогда», В. С. Красногоров)

Ситуация фрустрации становится для жены непреодолимой. Речевые тактики утешения, рациональной аргументации в рамках стратегии сглаживания деликта оказываются неэффективными. Вербальные раздражители (*пустяк, бестолковый, уродливый*), на которые болезненно реагирует жена, трансформируют потенциально конфликтную ситуацию в собственно конфликт, запускают сценарий «Разрыв

отношений». В роли речевого агрессора выступает жена. Стратегия провокации конфликта структурируется тактиками угрозы, предупреждения, негативной генерализации, намека. Тактико-стратегические линии речевого поведения супругов обобщены в таблице.

Речеповеденческий сценарий «Разрыв отношений»

Временный коммуникативный результат: примирение	
Речевая партия мужа	Речевая партия жены
Смена стратегии: стратегия примирения → стратегия сглаживания деликта	Смена стратегии: стратегия примирения → стратегия провокации конфликта
т. утешения	т. выражения недовольства
т. провокации	т. предупреждения, угрозы
т. рациональной аргументации	т. негативной генерализации
т. напоминания	т. намека
Коммуникативный результат: разрыв контакта	
Смена стратегии: стратегия сглаживания деликта → стратегия отрицательного оценивания	
т. отрицательной оценки	
Психологический результат: укрепление мнения о необходимости полного разрыва отношений	

Слот «гармонический коммуникативный результат» заполняют речеповеденческие сценарии «Примирение», «Признание деликта» и др. Конструктивная линия поведения партнеров общения в ситуации ссоры способствует преодолению разлада: достигается цель общения, восстанавливается психологический баланс отношений, участники коммуникации сохраняют (или приумножают) свои положительные личностные качества.

Приведем показательный диалогический фрагмент примирения матери и дочери. Иницируемый дочерью речеповеденческий сценарий «Примирение» базируется на стратегии признания вины. Далее он трансформируется в сценарий «Поиск компромисса», выстроенный на стратегии уговоров.

ОЛЬГА *Мам, послушай.... Прости меня, что я так себя вела. Это просто как обухом по голове было. Я все понимаю. Да ты сядь <...> Я все понимаю. Ну, всякое в жизни бывает. Ты у меня женщина еще ничего себе. Мам, скажи – ну оно тебе надо? Ну, ходите друг к другу в гости, с правнучкой нянчитесь, а жениться-то зачем?*

ЭЛЬЗА *Мы с Василием Игнатьевичем так решили.*

ОЛЬГА *Я понимаю, решили. Но зачем сразу в ЗАГС? Можно ведь и без ЗАГСА, и без свадьбы....*

ЭЛЬЗА *Мы решили, что хотим со свадьбой.*

ОЛЬГА *Папа когда в гробу лежал, я не могла поверить. Я, взрослая баба, не могла поверить, что его больше нет. Что папы моего больше нет. Мы – семья, мамочка, мы – одна семья, нам нужно держаться друг за друга, а не бежать с корабля. <...> («Земля Эльзы», Я. Пулинович)*

Признания вины (*Прости меня, что я так себя вела*) дает Ольге шанс уговорить мать не продавать дом и не выходить замуж. Тактика самооправдания (*Это просто как обухом по голове было*) предстает как частичное снятие с себя вины. Тактики оправдания матери и комплиментарности (*Ты у меня женщина еще ничего себе*) используются для продвижения идеи компромисса, выгодного Ольге, добивающейся нейтрализации конфликта.

Эльза упрямо отстаивает свое право на любовь посредством тактики констатации принятого решения (*Мы с Василием Игнатьевичем так решили*). Чувство проснувшегося достоинства заставляет ее действовать решительно и бескомпромиссно. Однако Ольга использует стратегию мягкой силы, пытается повлиять на мать, манипулируя ее сознанием. Ей удается добиться своей цели. Комплекс вины, внушенный дочерью, заставляет Эльзу смириться:

Эльза подходит к дочери.

ЭЛЬЗА Прости меня, доченька. Прости Оля моя <...>

ОЛЬГА Твоя. А чья же еще? Никого у меня, кроме тебя нет.

ЭЛЬЗА И ты у меня одна-единственная доченька.

ОЛЬГА Одни мы друг у друга. Самые родные, самые-самые!

Пауза.

ЭЛЬЗА Ладно. Завтра ему скажу.

ОЛЬГА (Обнимает и целует мать) Ну вот, мамочка! Ну вот! Вот же как хорошо!

(«Земля Эльзы», Я. Пулинович)

Исход коммуникации кажется благоприятным: он выражается невербальной тактикой телесного контакта (Ольга *обнимает и целует мать*), символизирующей примирение матери и дочери, и тактикой выражения положительной оценки коммуникативного результата: *Ну вот! Вот же как хорошо!* Вместе с тем психологическое состояние Эльзы даже после примирения с дочерью остается тяжелым: она теряет надежду на личное счастье.

Предсказуемость коммуникативного исхода может определяться механизмом умножения / ослабления агрессивных речевых действий коммуникантов, прогнозируемостью реакций коммуникативной личности как психотипа (эгоцентрик, конфликтный агрессор, манипулятор), количеством накопленной «конфликтной массы», глубиной и яркостью проявления эмоций.

В параграфе 2.2.6. «Терминал Оценка» рассматриваются ценностные установки современных русских людей в отношении семейной ссоры. Они объективируются, например, в актах оценки. Оценочное суждение есть свернутое суждение о ценности объекта в каком-либо отношении. Оценка определяется как положительная или отрицательная характеристика предмета, обусловленная признанием или непризнанием его ценности с точки зрения соответствия или несоответствия его качеств каким-либо ценностным критериям (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, А. А. Ивин, Н. А. Лукьянова, Т. В. Маркеловой, Е. Ф. Петрищевой, В. Н. Телия, А. Н. Шрамм и др.).

Когнитивной структурой для хранения оценок является установка. Ценностные установки говорящих могут быть эксплицитованными, могут быть представлены косвенными сигналами и реконструированы. Нам встретились лишь единичные примеры, в которых коммуниканты прямо или косвенно высказываются о ссоре. Будучи непосредственными участниками ссоры, они редко рефлексиируют по поводу ситуации. Приведем несколько примеров метавысказываний коммуникантов:

ОЛЬГА <...> Все, мам, не хочу с тобой ссориться. Ты просто сама не понимаешь, как это сейчас выглядит со стороны! («Земля Эльзы», Я. Пулинович). Интерпретация ситуативного контекста позволяет предположить, что отрицательно оценивается эстетическое поведение ссорящихся. Эстетическая оценка «перетекает» в этическую: стыдно взрослым людям так себя вести. Коммуникант предпочитает действовать в соответствии с установкой: *Худой мир лучше доброй ссоры*;

МАТЬ Твой отец обманывал меня... Много пил... Приходил поздно... Иногда совсем не приходил домой... Я так с ним измучилась, устала его ждать, нервничать... Мы часто ссорились... («Мать и дочь», Л. Ансельм). Высказывание раскрывает

психологическое состояние женщины, измученной поведением мужа. Глаголы и глагольные сочетания *обманывать, пить, не приходить домой, приходить поздно* фиксируют ненормативное поведение мужа. Отклонения от норм семейной жизни вызывают фрустрацию (*Я так с ним измучилась, устала его ждать, нервничать*) и заканчиваются ссорами: *Мы часто ссорились*. Таким образом, семейные ссоры наносят психологический ущерб близким, оцениваются отрицательно.

Нам не встретились контексты, в которых ссора характеризуется как явление положительное или неизбежное. Очевидно, положительное или нейтральное отношение к какому-либо объекту выступает на аксиологической шкале как норма, поэтому интерес вызывает скорее отклонение от нормы, чем соответствие ей. Мир, уважение, коммуникативный лад и гармония остаются ценностными константами не только на уровне рефлексивного сознания – они имеют поведенческие корреляты.

В **ЗАКЛЮЧЕНИИ** подводятся основные итоги, намечаются перспективы дальнейшей разработки темы исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК:

1. Ван Вэньцзя. Культурная сценарий «Супружеская ссора» в зеркале русских паремий / Ван Вэньцзя // Научный диалог. – 2017. – №1. – С. 22–34 (0, 62 п. л.).
2. Ван Вэньцзя. Лингвоаксиологический анализ культурного сценария в зеркале паремий / Ван Вэньцзя // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – №1. – С. 118–124 (0, 63 п. л.).
3. Ван Вэньцзя. Застарелая семейная ссора: опыт коммуникативно-прагматического анализа / Ван Вэньцзя // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6. №2 (19). – С. 21–26 (0, 62 п. л.).

Другие публикации:

4. Ван Вэньцзя, Гоголина Н. А. Паремии с лексемами «мать», «отец», «муж», «жена» в русской и китайской коммуникации / Н. А. Гоголина, Ван Вэньцзя // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2014. – Номер 5. – С. 34–39 (0, 5 п. л. / 0,25 п. л.).
5. Ван Вэньцзя. Традиционные ценности как жизненные ориентиры современных китайцев / Ван Вэньцзя // Национальные ценности в языке и коммуникации. Тезисы докладов научного семинара с международным участием / под. ред. Ю. Н. Михайловой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур». – 2015. – С. 7–8 (0,05 п. л.).
6. Ван Вэньцзя. Понятие «сценарий» в когнитивном и лингвокультурологическом освещении / Ван Вэньцзя // Молодые голоса: сб. тр. / под ред. И.В. Шалиной. – Екатеринбург. – 2016. – Вып.5. – С. 21–28 (0, 37 п. л.).
7. Ван Вэньцзя, Гоголина Н. А. Интерпретация образа матери в русской и китайской культуре (на материале русских и китайских пословиц) / Ван Вэньцзя, Н. А. Гоголина // Культура, образование, воспитание в контексте федеральных государственных образовательных стандартов: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Екатеринбург 14-15 апреля 2016 г. Государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Свердловской области «Институт развития образования»; науч. ред. Н.А. Юшкова. – Екатеринбург: ГАОУ ДПО «ИРО». – 2016. – С. 153–159 (0, 3 п. л. / 0, 15 п. л.).

8. Ван Вэньцзя. Образы главных членов семьи: функционально-ролевой и ценностный аспекты (на материале пословиц и поговорок русского языка) / Ван Вэньцзя // Аксиологические аспекты современных лингвистических исследований. Тезисы докладов научного семинара с международным участием / под ред. Ю.Н. Михайловой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур». – 2016. – С. 10–12. (0, 12 п. л.).
9. Ван Вэньцзя. Оценочная коммуникативная стратегия порицания и ее реализация в ситуации ссоры / Ван Вэньцзя // Аксиологические аспекты современных лингвистических исследований. Тезисы докладов научного семинара с международным участием / под ред. Ю.Н. Михайловой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур». – 2017. – С. 9–11 (0, 12 п. л.).
10. Ван Вэньцзя. Лексемы *ссора* и *ссориться* в слове и речи / Ван Вэньцзя // Молодые голоса: сб. тр. / под ред. И. В. Шалиной. – Екатеринбург. – 2017. – Вып.6. – С. 117–125 (0, 5 п. л.).

